

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

БАЙРОНА.

КЪСНЯ ТРЕТЬЯ.

I.

**О, Муза! в такъ далѣе... Лежалъ
Жуанъ, склонясь на грудь подруги нѣжной;
Взоръ Гайде сонъ Жуана охранялъ...
Она полна любовью безмятежной,
Ей незнакомъ сомнѣнья тайный ядъ,
Ее мечты такія не страшатъ,
Что отъ любви въ ней сердце разобьется
И много горькихъ слезъ потомъ прольется.**

II.

**Любовь! зачѣмъ такъ вредоносна ты?
Скажи, зачѣмъ ты вьцарясь вьплетаешь**

Всегда въ свои душистые цвѣты
 И муки сердца вздохомъ выражаешь?
 Какъ увядаетъ сорванный букетъ,
 Положенный случайно за корсетъ,
 Такъ погибають многія созданья,
 Въ объятіяхъ любви найдя страданье.

III.

Для женщины любовникъ первый шагъ,
 Потомъ сама любовь ее плѣняетъ,
 Привычка въ ней смѣняетъ прежній пылъ
 И бесконечно ей надоѣдаетъ.
 Попробуйте вы женщину узнать:
 Сперва одинъ начнетъ ее плѣнять,
 Потомъ нужны ей многіе мужчины,
 И вѣрной быть нѣтъ женщинѣ причины.

IV.

Не знаю я, кто въ этомъ виноватъ,
 Но женщины, когда имъ измѣняютъ
 (Однѣ ханжи не входятъ въ тотъ разрядъ),
 Интриги новой скоро пожелаютъ.
 Но первая любовь у нихъ сильна —
 Ей женщина всею сердцемъ предана,
 А если разъ она ее узнала,
 То не однажды послѣ измѣнила.

V.

Да, ужъ таковъ печальный, горькій плодъ
 Безумія людскаго и разврата:
 Любовь съ замужствомъ въ дружбѣ не живетъ,
 Хоть вмѣстѣ родились они когда-то.
 Какъ уксусъ изъ вина творится, такъ
 И отъ любви родился самый брань —

Напитокъ очень кислый, неприятный
И потерявшій запахъ ароматный.

VI.

Въ любви для многихъ, многихъ женщинъ есть
Не мало горькихъ, грустныхъ сожалѣнй:
Сначала ихъ обманываетъ лесть,
А въ будущемъ готовитъ рядъ мученй.
Что жь остается? плакать и страдать...
Любовь себѣ привыкла измѣнять:
Прекрасной страсть въ любовникѣ являлась,
А въ мужѣ — только слабостью казалась.

VII.

Мужья стыдятся нѣжность показать,
Иные скоро могутъ пресыщаться,
(Что, впрочемъ, рѣдко) станутъ тосковать:
Нельзя жь всегда женою восхищаться!...
А между тѣмъ итъ бракъ поставивилъ,
Чтобъ тотъ союзъ до смерти крѣцомъ былъ...
Ахъ! грустно потерять для насъ супругу
И въ трауръ нарядить свою прислугу!...

VIII.

Любовь въ домашней жизни, какъ обманъ,
Свое значенье первое теряетъ.
Намъ о любви твердятъ любой романъ,
Но романистовъ бракъ не занимаетъ.
Поставимъ ли супругу мы въ вину,
Когда палуется онъ свою жену?
Лаура не была женой Петрарки,
Вотъ почему его сонеты жарки.

IX.

Героевъ смерть — трагедій всѣхъ конецъ,
 Счастливый бракъ — комедій окончанье.
 Исторія двухъ любящихъ сердець
 Не вызываетъ дальше описанья,
 Чтобы о нихъ неправды не сказать...
 Къ чему ихъ въ путь дальнѣйшій провожать?
 Нѣтъ, отдохнемъ на пятомъ актѣ въ драмѣ,
 Забывши и «о Смерти и о Дамѣ» (*).

X.

Лишь два пѣвца воспѣли рай и адъ
 (Иль иначе — замужство). Это были
 Мильтонъ и Дантъ, и оба, говорятъ,
 Въ супружествѣ своемъ несчастно жили;
 Но знаемъ мы, что Дантъ, какъ и Мильтонъ,
 Намъ рисовали копѣи не съ жонъ
 Въ чертахъ какъ Беатриче, такъ и Евы,
 И съ этимъ согласитесь, вѣрно, всѣ вы...

XI.

Толкуютъ, будто Дантъ изобразилъ
 Подъ видомъ Беатриче—богословье,
 Но комментаторъ сильно погрѣшилъ
 И доказалъ — не скрою—пустословье.
 Чѣмъ это мнѣнье могъ онъ подтвердить
 И мысли Данта міру пояснить?
 Нѣтъ, я признать скорѣе бы рѣшился,
 Что въ пѣсняхъ математикъ въ немъ явился.

(*) Намекъ на шекспировскую балладу «Death and the Lady» (Смерть и Дамы).

ХII.

Женой Жуана Гайде не была,
 Но въ томъ они одни лишь виноваты:
 Пусть обойдетъ читателя хула,
 Что у меня герои не женаты,
 А чтобъ въ соблазнъ нмыхъ не приводить,
 Я предлагаю книгу здѣсь закрыть:
 Пусть не дочтеть читатель церемонный
 Исторію любви ихъ беззаконной.

ХIII.

Но все-таки ихъ жизнь была ясна,
 Для Гайде дни въ блаженствѣ пролетали,
 И въ упоеніи не думала она,
 Что тѣ мѣста отцу принадлежали.
 Отъ наслажденья мы не убѣжимъ,
 Пока себя мы имъ не утомимъ...
 Такъ чаще ихъ устраивались встрѣчи,
 Пока пиратъ крейсировалъ далече...

ХIV.

Онъ промысломъ своимъ не удивлялъ,
 Хоть очень многихъ грабилъ по дорогѣ;
 Вѣдь если бѣ былъ онъ первый адмиралъ,
 Изъ грабежа онъ сдѣлалъ бы — налоги.
 Но жизнь его умѣренный была
 Среди заботъ морскаго ремесла,
 И скромный путникъ воднаго простора
 Себѣ взялъ роль... морскаго прокурора.

XV.

Онъ, бурями задержанъ въ морѣ, ждалъ
 Себѣ добычи важной и богатой.
 Одну добычу онъ ужь потерялъ
 Въ морскихъ волнахъ; судовъ своихъ вожатай,
 Онъ плѣнниковъ на части раздѣлилъ,
 Какъ будто главы въ книгѣ, и спѣшилъ
 Ихъ заковать: товаръ тотъ очень цѣнный—
 Былъ годенъ для продажи каждый плѣнный.

XVI.

Изъ плѣнниковъ онъ многихъ съ рукъ ужь сбылъ,
 Иныхъ въ Тунисѣ продалъ безъ печали,
 Одинъ старикъ лишь въ море сброшенъ былъ:
 За дряхлость лѣтъ его забраковали.
 Богатыхъ онъ для выкупа берегъ
 И посадилъ ихъ въ трюмъ подъ замокъ.—
 Всѣхъ остальныхъ сковалъ онъ безъ разбора:
 Знакомый бей купить ихъ долженъ скоро.

XVII.

Онъ точно такъ товары продавалъ, —
 Ихъ покупать на рынкахъ были рады, —
 И только никому не уступалъ
 Онъ женскіе различные наряды,
 Ткань, кружева, съ гитарами браслетъ
 И нѣсколько прекрасныхъ кастаньетъ.
 Окончивъ въ морѣ подвигъ свой опасный,
 Онъ везъ подарки дочери прекрасной.

ХVIII.

Съ собою онъ животныхъ разныхъ везъ.
 Была съ нимъ обезьяна очень злая,
 Одна мартышка, медалянскій песъ,
 И даже были съ нимъ два попугая,
 И, наконецъ, персидскіи вѣжнѣй котъ.
 Чтобъ въ морѣ не нажить отъ нихъ хлопотъ,
 Гдѣ были бури сильныя не рѣдки,
 Звѣрей онъ посадилъ въ особой клѣткѣ.

ХІХ.

И такъ, окончивъ долгій свой походъ,
 Чтобъ починить свое большое судно,
 Морякъ обратно къ острову плыветъ,
 Гдѣ дочь его въ то время безразсудно
 Гостепрѣивно гостя приняла...
 Часть берега съ той стороны была
 Совсѣмъ низка, вокругъ рифы выплывали,—
 И пристань въ лучшемъ мѣстѣ выбирали.

ХХ.

И къ берегу присталъ тотчасъ пиратъ.
 Онъ не боялся встрѣтить карантина,
 Не ожидалъ таможенныхъ солдатъ,
 Которыхъ намъ бояться есть причина.
 Онъ приказалъ корабль свой накренить (*)
 И въ поврежденномъ мѣстѣ починить.
 И сотни слугъ по слову стали съ жаромъ
 Носить тюки съ богатымъ ихъ товаромъ.

(*) Морской терминъ: положить корабль на бокъ.

XI.

И вотъ на холмъ спѣшитъ взойти старикъ,
 Откуда могъ увидѣть стѣны дома...
 Намъ чувство старика въ подобный мигъ
 Должно быть всѣмъ хотъ нѣсколько знакомо.
 Въ груди у насъ сомнѣнія встаютъ:
 Здоровы ль всѣ, которые насъ ждутъ?
 Въ насъ оживаютъ всѣ воспоминанья...
 И ощущеньямъ новымъ нѣтъ названья.

XXII.

Понятно, что и мужа и отца,
 Когда домой пришлось имъ возвращаться,
 Сомнѣнія тревожатъ безъ конца:
 За женщинъ вѣчно нужно опасаться.
 (Одинъ лишь я имъ вѣрю, господа,
 Хотя не льстилъ, ей-богу, никогда!)
 Жена хитритъ безъ мужа начинается,
 А дочь, порой, съ лакеемъ убѣгаетъ.

XXIII.

Такъ, возвратясь домой, иной супругъ
 Въ немъ счастья Улисса не находитъ.
 Жена его забыть успѣла вдругъ
 И новаго поклонника заводитъ.
 Мужъ, возвратясь къ женѣ своей назадъ,
 Находитъ часто новыхъ двухъ ребятъ
 И даже Аргусъ (*) лаской не встрѣчаетъ,
 Но сзади панталоны обрываетъ.

(*) Аргусъ, собака Улисса, подыкаетъ, узнавъ своего господина. (Одиссея, XVII).

XXIV.

А холостякъ вернется — то найдетъ,
 Что вышла за мужъ милая невѣста...
 Но, иногда, супруговъ ссора ждетъ
 И волокитство будетъ тутъ у мѣста.
 Онъ можетъ вновь ухаживать опять,
 Иль полное презрѣнье показать,
 Которое, чтобъ скорби дать свободу,
 Онъ можетъ перелить въ большую оду.

XXV.

Да, господа, совѣтую я вамъ —
 Ужь если вы знакомы близко стали
 Съ одною изъ замужнихъ милыхъ дамъ
 (Прочтѣе связи същемъ мы едвали),
 То путешествій бойтесь, какъ огня.
 По опыту я знаю: васъ вина,
 Тѣ дамы по четыре раза въ сутки
 За вами вслѣдъ пошлютъ презлыя шутки.

XXVI.

Старикъ Ламбро лишь съ моремъ былъ знакомъ,
 Но мудростью на сушѣ не гордился.
 А потому, увидѣвши свой домъ,
 Восторгомъ непонятнымъ оживился,
 А такъ какъ метафизики не зналъ,
 То радости своей не разбиралъ.
 Любилъ онъ дочь и смерть ея навѣрно
 Пирата огорчила бы безмѣрно.

XXVII.

Онъ стѣны дома ясно видѣть могъ,
 Зеленый садъ онъ видѣлъ въ полу-мракѣ,
 Т. VII. Отд. I.

Вдали блеститъ знакомый ручеекъ
 И слышенъ громкій лай его, собаки.
 Оружіе сверкнуло вдалекѣ
 (Тамъ ходятъ всѣ съ оружіемъ въ рукѣ)
 И яркіе, какъ бабочка, наряды
 Ужъ отличать могли свободно взгляды.

XXVIII.

Такимъ гуляньемъ страннымъ удивленъ,
 Отецъ все больше къ дому приближался
 И ясно наконецъ услышалъ онъ:
 Звукъ нечестивой скрипки раздавался.
 Своимъ ушамъ не могъ онъ довѣрять
 И музыки такой не могъ понять.
 Вотъ барабанъ, вотъ флейта раздается
 И звонкій смѣхъ по воздуху несется.

XXIX.

Онъ разодвинулъ вѣтви и глядитъ,
 Стараясь подходить какъ можно тише:
 Толпа его прислужниковъ шумитъ.
 Они кружились быстро, какъ дервиши,
 И искренно веселью предались,
 И въ танцѣ разбѣгались и неслись.
 Зналъ хорошо старикъ нашъ удивленный:
 То былъ пиррійскій танецъ оживленный.

XXX.

А далѣе гречанки въ кругъ сошлись,—
 Одна изъ нихъ платкомъ своимъ махала,—
 Какъ въ ожерелье, женщины сплелись
 И музыка ихъ танецъ оживляла.
 По шеѣ ихъ спадалъ кудрей каскадъ.
 Одна изъ нихъ подъ танецъ пѣла въ ладъ,

Красавицы ей хороми отвѣчали
И съ живостью восточною плясали.

XXXI.

Сложивши на крестъ ноги важно тутъ,
Обѣдать собиралися другіе.
Предъ ними много было разныхъ блюдъ,
Сверкали въ чашкахъ вина дорогія.
Готовъ шерберъ прохладный, — манитъ взглядъ
Кистями крупный, спѣлый виноградъ,
И апельсинъ и сочная граната
Вкругъ проливали соки аромата.

XXXII.

Толпа дѣтей вкругъ бѣлаго козла
Его рога цвѣтами обвиваетъ,
А онъ стоитъ, не дѣлая имъ зла,
И голову торжественно склоняетъ.
Онъ пищу принималъ изъ дѣтскихъ рукъ,
Иль наклонялъ рога, какъ будто вдругъ
Испытывалъ онъ мужество въ ребенкѣ,
И покорялся вновь его рученкѣ.

XXXIII.

Ихъ строгій профиль, пышный ихъ нарядъ,
Ихъ личики, какъ спѣлыя гранаты,
Ихъ локоны и оживленный взглядъ,
И блескъ очей, сверкавшихъ какъ агаты,
Невинность ихъ, которая дивитъ,
Все это представляло чудный видъ,
И, право, жаль, что скоро эти дѣти,
Какъ всѣ другіе, выростутъ на свѣтѣ.

XXXIV.

Вотъ карликъ-шутъ сидящимъ старикамъ
 Волшебныя легенды вспоминаетъ
 О многихъ кладахъ, скрытыхъ по горамъ,
 Арабскія остроты повтаряетъ.
 Онъ учитъ ихъ недуги исцѣлять,
 Онъ о колдуньяхъ началъ толковать,
 Какъ тѣ мужей въ животныхъ превращалъ
 (Но сказку ту и въ жизни мы встрѣчали).

XXXV.

Всѣ искренно забавамъ отдались,
 Вкругъ раздаются музыка и сказки,
 И вина благовонныя лились
 И женщины кружились въ страстной пляскѣ.
 Но съ злобою глядѣлъ на все старикъ;
 Онъ къ мотовству, къ расходамъ не привыкъ,
 Считаая худшимъ зломъ людской породы
 Всѣ лишнія затраты и расходы.

XXXVI.

Какъ жалокъ въ наслажденьяхъ человекъ!
 Бѣда его повсюду ожидаетъ
 И, можетъ быть, на весь печальный вѣкъ
 Ему день счастья только выпадаетъ.
 Насъ радость дразнить лишъ издалека
 И, какъ сирена, губить новичка.
 Пиратъ на пиръ упалъ вдругъ для скандала,
 Какъ на огонь сырое одѣяло.

XXXVII.

Пиратъ привыкъ не много говорить;
 Чтобъ дочери доставить удивленье

(Мужчинъ же онъ приважь мечеть дивить),
 Отъ всѣхъ скрывалъ на островъ возвращенья.
 Что онъ былъ тутъ, еще никто не зналъ,
 И долго онъ невидимый стоялъ,
 Взволнованный и очень недовольный,
 Увидя праздникъ этотъ оживленный.

XXXVIII.

Не вѣдалъ онъ (какъ люди могутъ лгать!),
 Что здѣсь его погибшимъ всѣ считали
 (Такой народъ не можетъ умирать)
 И трауромъ печальнымъ поминали;
 Теперь же трауръ кончили они
 И начались праздники въ тѣ дни.
 На щечкахъ Гайде слезы осушила
 И въ управленье островомъ вступила.

XXXIX.

Вотъ почему былъ слышенъ всюду звукъ
 Веселыхъ пѣсенъ, музыки игривой
 И безъ заботъ толпа лѣнивыхъ слугъ
 Здѣсь предавалась праздности счастливой.
 Хотя старикъ гостеприимъ былъ,
 Но пиръ такой пирата возмутилъ...
 И какъ всѣмъ ловко Гайде управляла
 Хоть... часа у любви не отнимала!..

XE.

Здѣсь, можетъ быть, подумаете вы,
 Что впасть старикъ тотчасъ въ ожесточенье,
 Что не сносить прислугѣ головы,
 И ждетъ ихъ лавень за это преступленье.

Что онъ рабовъ рѣшился проучить
 И отъ пировъ подобныя отлучить,
 Что, наконецъ, при зрѣлищѣ разрата
 Проснутся страсти дикія пирата.

XLI.

Вы ошибетесь. Сдержанъ былъ старикъ,
 Хоть преданъ былъ убійствамъ и разбою;
 Какъ царедворецъ, къ лести онъ привыкъ
 И мастерски умѣлъ владѣть собою,
 Что думалъ онъ — никто не могъ узнать,
 Онъ женщинъ власть не думалъ признавать...
 То былъ джентльменъ отличнаго закала
 И общество въ немъ много потеряло.

XLII.

Къ одной изъ группъ онъ тихо подошелъ,
 Рукой небрежно къ гостю прикоснулся,
 Котораго по близости нашелъ,
 И страшною улыбкой улыбнулся.
 Потомъ спросилъ: зачѣмъ здѣсь пиръ у васъ?
 Но пьяный грекъ, не поднимая глазъ,
 Не узнавая вовсе господина,
 Сталъ лить вино изъ полного кувшина.

XLIII.

И не глядя, — онъ былъ ужъ очень пьянъ, —
 Черезъ плечо напитокъ предлагая,
 Сказалъ онъ, поднимая свой стаканъ:
 «Хочу я пить! вотъ влага дорогая!...»
 — «Старикъ нашъ умеръ, ты ему скажи»,
 Кричитъ другой: «мы слуга — господинъ!»

— «Какъ госпожи! вотъ это очень ново!
Мы знаемъ господина молодого...»

XLIV.

То были пришлецы, а потому
И не узнали грознаго пирата.
Негодованье трудно скрыть ему
И злобою душа его объята,
Но онъ движенье внутреннее скрываетъ
И рассказать съ улыбкою просилъ
Объ имени ихъ новаго владыки,
Котораго щедроты такъ велики.

XLV.

— «Кто онъ, откуда — я не разберу»,
Сказалъ одинъ: «миръ, впрочемъ, нѣтъ и дѣла,
Здѣсь есть каплунокъ, зажаренный въ жиру,
И есть вино: здѣсь пью и ѣмъ я смѣло.
Когда тебѣ не нравится отвѣтъ,
То обратись къ сосѣду — мой сосѣдъ
На всѣ вопросы тотчасъ отвѣчаетъ
И день и ночь безъ умолку болтаетъ».

XLVI.

Я ужъ сказалъ, что сдержанъ былъ пиратъ,
Онъ показалъ такое воспитанье,
Что я французамъ даже былъ бы радъ
Его въ примѣръ поставить, въ назиданье.
Онъ перенесъ фамилярность слугъ,
Не выразилъ ни бѣшенства, ни мукъ
И вытерпѣлъ, какъ наглыя обжоры
Цинически вели съ нимъ разговоры.

XLVII.

Въ томъ, кто привыкъ всегда повелѣвать
 И прихоти свершать въ одно мгновенье,
 Кто могъ казнить иль въ цѣпи заковать,
 Подобныя манеры и терпѣнье
 Бываетъ странно видѣть намъ всегда,
 Но въ мѣрѣ есть такіе господа.
 Кто обладать собою такъ умѣетъ,
 Тотъ, какъ и Гвельфы, властвовать посмѣетъ.

XLVIII.

Онъ иногда не сдерживалъ свой гнѣвъ,
 Но въ важномъ дѣлѣ онъ не торопился,
 Какъ гордый и всегда спокойный левъ,
 Иль какъ удавъ, когда онъ притаился.
 Онъ усмирять умѣлъ свой первый пылъ,
 Утихнетъ гнѣвъ — онъ жертвы не казнилъ,
 Но страшно было грозное молчанье,
 Неумолимо было наказанье.

XLIX.

Распрашивать онъ больше не желалъ
 И къ дому шелъ тропинкой потаенной.
 Никто его пока не замѣчалъ:
 Для всѣхъ онъ былъ — скиталецъ погребенный.
 Рѣшился ли онъ Гайде обвинять —
 Объ этомъ не могу я вамъ сказать;
 Но этотъ трауръ съ праздникомъ неожиданнымъ
 Ему тогда казался очень страннымъ.

L.

Когда бъ страхнувъ съ себя оковы сна,
 (Не дай лишь Богъ!), всѣ мертвецы возстали,

Положить, хоть супругъ или жена,
 Они бы много горя испытали
 И вновь рѣшились лучше умереть,
 Чѣмъ новыя страданія терпѣть.
 Всѣ жены вновь заплакали бы, если бь
 Забытые супруги ихъ воскресли.

II.

Онъ въ домъ вошелъ, уже какъ въ чуждый домъ:
 Для человѣка нѣтъ сильнѣй мученья,
 Когда онъ убѣдиться долженъ въ томъ,
 Что межъ своихъ онъ встрѣтитъ отверженье,
 Что прежній кровъ ему гробницей сталъ,
 Что онъ съ прошедшимъ связи разорвалъ...
 Той скорби безконечной и глубокой
 Понять не можетъ путникъ одинокой.

III.

Онъ въ домъ вошелъ, уже какъ въ чуждый домъ,
 И въ первый разъ узналъ онъ гнетъ печали.
 Съ тоскою оглянулся онъ кругомъ:
 Его привѣтомъ ласки не встрѣчали.
 Здѣсь безъ заботъ жилъ долго такъ старикъ
 И сердце истощенное привыкъ
 Здѣсь умилять, смотря на дочь порою,
 Гдѣ онъ слѣдилъ за дѣтскою игрою.

III.

Характеромъ онъ страннымъ обладалъ.
 Приятный въ обращеніи, съ дикимъ нравомъ,
 Собою онъ искусно управлялъ,
 Не отдавалъ всего себя забавамъ

И, можетъ быть, на этомъ свѣтѣ онъ
 Для лучшаго удѣла былъ рожденъ,
 Но сынъ страны свободной лишь когда-то —
 Онъ цѣпь раба смѣнилъ на мечъ пирата.

LIV.

Страсть властвовать, забывъ про цѣлый свѣтъ,
 Испорченность, корыстолюбя виды,
 Опасности отъ самыхъ раннихъ лѣтъ
 И мщение за прошлыя обиды,
 Рядъ страшныхъ сценъ, гдѣ кровь людей текла —
 Умѣли въ немъ раздуть всѣ искры зла,
 Онъ беспощаденъ сталъ въ кровавой свѣчѣ
 И съ нимъ враги вездѣ обжигали встрѣчи.

LV.

Но предковъ духъ порой въ немъ говорилъ, —
 Тотъ героизмъ, забытый въ нашемъ вѣкѣ,
 Когда рвались въ избыткѣ мощныхъ силъ
 За золотымъ руномъ въ Колхиду греки.
 Дѣйствительно, имъ миръ былъ позабытъ,
 Въ родномъ краю для славы путь закрытъ,
 И проклятая свѣтъ и униженъе,
 Онъ началъ жить для злобы и для мщенья.

LVI.

А между тѣмъ, онъ грекъ изящный былъ, —
 То климата чудеснаго вліянье, —
 Невольно, можетъ быть, но онъ любилъ
 И чувствовалъ въ прекрасномъ обаянъе.
 Онъ наслаждался музыкою негъ,
 Его манилъ журчащій ручеекъ,

Манилъ къ себѣ цвѣтокъ благоуханный,
И грусть тогда смѣнялъ пождѣй желанный.

LVII.

Но вся любовь пирата перешла
На дочь его, — то милое созданье
Въ немъ нѣжность возбуждать еще могла
Среди убійствъ и криковъ злодѣянья.
Одну ее онъ могъ еще любить,
Но еслибъ дочь вдругъ перестала жить,
Онъ нѣжности на вѣки бы лишился
И навсегда въ Циклопа обратился.

LVIII.

Злость тигрицы неустово-сильна,
Когда ее дѣтеныша лишаютъ;
Ужасна разъяренная волна,
Межъ скалъ подводныхъ судна погиваютъ.
Подобный гнѣвъ, хотя и силенъ онъ,
Минуеть скоро, битвой утомленъ,
Но гнѣвъ людей, невѣдающихъ болѣзни,
Но гнѣвъ отца — ужаснѣй всякой казни.

LIX.

Смотрѣть невыносимо иногда,
Какъ дѣти нашу власть съ себя свергали;
Мы ихъ хранили многіе года,
Намъ прошлое они напоминали,
И вдругъ на склонѣ позднихъ нашихъ лѣтъ,
Когда уже въ насъ силы прежней нѣтъ, —
Они бѣгутъ, какъ будто бы въ испугъ,
А намъ остались... старости недуги.

LX.

А между тѣмъ, въ семьѣ прекрасно жить
 (Лишь только бѣ дѣти спать мамъ не мѣшали),
 Гдѣ мать дѣтей могла сама вскормить
 (Хоть многія изъ дамъ за то страдали)...
 Вотъ вся семья сошлась у очага
 (Для каждаго та сцена дорога)...
 Сяетъ мать въ семьѣ прекрасной этой,
 Какъ гинея межъ мелкою монетою:

LXI.

Старикъ Ламбро вошелъ тихонько въ домъ.
 День потухалъ и небо потемнѣло.
 Межъ тѣмъ съ Жуаномъ Гайде за столомъ,
 Прекрасная и гордая, сидѣла.
 Роскошный столъ весь яствами покрытъ,
 Толпа рабынь вокругъ его стоитъ.
 Повсюду золотыя украшенья,
 Кораллъ и драгоцѣнныя каменья.

LXII.

Является обѣдъ изъ сотни блюдъ.
 Тамъ поданъ былъ ягненокъ, супъ шафранный,
 Имъ рыбу съ сладкимъ мясомъ подаютъ,
 И наконецъ шербетъ благоуханный
 Изъ сока винограда и гранатъ,
 Гдѣ черезъ корку выжать ароматъ,
 И тотъ напитокъ жажду утоляетъ
 И въ знойный день неволью освѣжаетъ.

LXIII.

Напитокъ тотъ играетъ въ хрусталѣ,
 Межъ фруктами восточными сверкая,

И кофе самый лучший на земле,
 Былъ подаваемъ въ чашкѣхъ изъ Китая.
 Чтобъ рукъ себѣ никто обожечь не могъ,
 На блюдцахъ былъ широкой ободокъ.
 Съ корицей кофе смѣшанъ былъ искусно,
 Что, впрочемъ, не совѣмъ бываетъ вкусно.

LXIV.

Изъ бархата обои на стѣнахъ
 Съ квадратами тоновъ разнообразныхъ,
 Съ букетами и въ шелковыхъ цвѣтахъ,
 И на коврахъ фигуры литеръ разныхъ;
 Персидскими словами испещренъ
 Ихъ голубой и въжно-красный фонъ.
 Начертаны на немъ для поученья
 Восточныхъ моралистовъ изреченья.

LXV.

Тѣ надписи писались по стѣнамъ
 Всѣмъ въ родѣ увѣщанья или совѣта,
 О суетѣ напоминая намъ,
 Какъ черепа Мемфисскаго банкета.
 Такъ Валтасаръ прочелъ разъ на стѣнѣ
 Ужасный приговоръ двоимъ странѣ,
 Но пусть мудрецъ моралью насъ пугаетъ,
 А наслажденье мѣръ весь увлекаетъ.

LXVI.

Красавица увялая отъ дѣтъ,
 Изчезнувшій еще при жизни геній,
 Упорный методистъ или аскетъ,
 Уставшій отъ прошедшихъ наслажденій —

Намъ могутъ всѣмъ пристрастьемъ послужить
 И многихъ въ этой жизни убедить,
 Что вина и любовь насъ разрушаютъ,
 Какъ пышный столъ, гдѣ легка насъ ильшаютъ.

LXVII.

Атласный и пурпуровый коверъ
 Былъ подъ ногами Гайде и Жуана
 И въ комнатѣ во весь ея просторъ
 Стояли три роскошные дивана.
 Подушки алый бархатъ покрывали,
 На нихъ искусно вышитый блисталъ
 Дискъ солнца золотистый и румяный,
 По бархату въ лучахъ сверкавшихъ тканей.

LXVIII.

Вездѣ хрусталь и мраморъ и фарфоръ,
 Вкругъ вазы драгоценныя блестяли,
 Пестрѣлъ ковровъ затѣйливый узоръ —
 На нихъ лежали кошки и газели.
 За ними — негры, карлики, — весь сбродъ,
 Который униженіемъ живетъ, —
 Какъ на базарѣ, въ комнатѣ толпилися
 И съ раболѣпьемъ всюду суетиися.

LXIX.

Повсюду поднимались зеркала,
 Въ изящныхъ украшеньяхъ, съ позолотой;
 Вилась рѣзьба вкругъ каждаго стола:
 Въ нихъ врѣзаны съ искусною работою
 И перламутръ, и черепахи кость...
 А на столахъ нашель бы каждый гость,

Куда бы ни взглянулъ, въ большомъ избыткѣ
И кушанья, и разные напитки.

LXX.

Костюмъ на Гайде пышенъ и богатъ.
Она въ нарядѣ палеваго цвѣта,
На грудь ея, гдѣ былъ жемчужинъ рядъ,
Сорочка ярко-пестрая надѣта;
Прозрачный газъ, какъ облачный туманъ,
Обхватывалъ ея прекрасный станъ,
И грудь ея подъ тонкой пеленою
Могла сравниться съ двойственной волною.

LXXI.

Широкіе браслеты безъ замка
Изъ золота ей руки обвивали,
Но въ нихъ свободно двигалась рука:
Ей мягкіе браслеты не мѣшали.
По волѣ ихъ могла она сжимать
Иль золото растягивать опять...
Подъ украшеньемъ чистаго металла
Едва ли тѣло лучшее блистало...

LXXII.

И обвивался обручъ золотой
Вкругъ ногъ ея, какъ власти выраженье,
И въ волосахъ, спадающихъ волной,
Сверкали драгоценные каменья.
Ея вуаль прозрачная, какъ мгла,
Жемчужной ниткой связана была,
Вкругъ яркія шальвары ниспадали
И формы благородныя скрывали.

LXXIII.

А кудри, какъ альпійскій водопадъ,
 Окрашенный поутру яркимъ свѣтомъ,
 Широкой прядью падали до пятъ.
 Она бѣ могла въ каскадѣ пышномъ этомъ
 Вся спрятаться, но сѣтка волосамъ
 Разсыпаться мѣшала по плечамъ,
 Хотя они на волю порывались;
 Лишь вѣтра подалун ихъ касались.

LXXIV.

Вкругъ Гайде воздухъ былъ совсѣмъ иной,
 Когда она кругомъ бросала взгляды.
 Они сверкали южною весной,
 Исполнены и нѣги, и отрады.
 Она Психеей чистою была
 И помыслы грѣховныя гнала,
 И каждый могъ, въ красавицу влюбленный,
 Упасть предъ ней колѣнопреклоненный.

LXXV.

Ея рѣсницы, темныя, какъ ночь,
 Окрашены (таковъ обычай края),
 Но краска не могла ихъ превозмочь,—
 И изъ-подъ нихъ глаза глядятъ сверкая.
 Покрываютъ краской ногти на рукахъ
 (То модой завѣщалось въ тѣхъ мѣстахъ),
 Но и безъ краски ногти эти были
 И розовы, и нѣжностью дивили.

LXXVI.

Чтобъ выступала ярче бѣлизна,
 Она въ румяной краскѣ не нуждалась,
 Какъ день, едва проснувшійся отъ сна,
 Когда заря на небѣ загоралась.
 Видѣниемъ она явилась въ мѣръ...
 Ссылаюсь на слова твои, Шекспиръ:
 «Лицею красить есть ли намъ охота?
 Для золота нужна ли позолота?»

LXXVII.

Былъ въ черной шали съ золотомъ Жуанъ
 И въ бѣлой ткани, легкой и прекрасной,
 Изъ-подъ нея, какъ звѣзды сквозь туманъ,
 Сверкали драгоценности. Атласный
 Турбанъ на головѣ его лежитъ,
 А въ немъ султанъ качаяся дрожитъ,
 И рогъ луны подъ нимъ едва мерцаетъ
 И кроткое сіянье проливаетъ.

LXXVIII.

Ихъ забавляли карлики въ тотъ часъ,
 Невольницъ пляска, евнухи... При этомъ
 Однѣмъ подѣтъ, прославленный не разъ,
 Ихъ развлекалъ. Стихами и сюжетомъ
 Съ успѣхомъ онъ владѣть не рѣдко могъ
 И не однажды пользу ужъ извлекъ,
 По милости своей пѣвучей лиры,
 Изъ лести очень тонкой и сатиры.

LXXIX.

На прошлое онъ въ пѣсняхъ клеветалъ,
 Онъ старину бранилъ безъ снисхожденья,
 Т, СѪИ. Отд. I.

И... анти-якобинцемъ новымъ сталъ,
 Желая за стихи вознагражденья.
 Онъ въ пѣсняхъ независимъ прежде былъ,
 Но прежнимъ убѣжденьямъ измѣнилъ
 И, выгоднымъ считая слово лести,
 Сталъ воспѣвать пашу съ султаномъ вмѣстѣ.

LXXX.

Превратности судьбы онъ испыталъ
 И, привыкая всюду увиваться,
 Смотря по обстоятельствамъ, считалъ
 Онъ долгомъ неперемѣннымъ измѣняться.
 Отъ мщенія его спасала лесть,
 Умѣлъ онъ нагло лгать... Надежда есть,
 Что онъ получитъ нѣкогда отъ свѣта
 Всѣ почести вѣнчаннаго поэта.

LXXXI.

Но у него талантъ былъ; онъ любилъ
 Затрогивать всеобщее вниманье
 И въ этомъ наслажденье находилъ...
 Кто не желалъ изъ насъ рукоплесканья?..
 Но продолжать я долженъ свой рассказъ.
 Остановился я на этотъ разъ
 На пиршествѣ островитянъ влюбленныхъ
 Средь двкихъ мѣстъ, отвсюду отдаленныхъ.

LXXXII.

Поэтъ ихъ былъ хотя и временщикъ,
 Но въ обществѣ его бы оцѣнили.
 Онъ къ похваламъ въ компаніи привыкъ.
 И хотъ не всѣмъ вполне понятны были
 Его слова и спичи, но толпа
 Въ враздѣ и въ восхищеніи слѣпа.

Она ему почтительно внимала
И одобренье плескомъ выражала.

LXXXIII.

Теперь попавъ въ иной хорошей кругъ
И вспоминая прожитые годы,
Среди друзей пѣть рѣшился вдругъ
Своимъ рѣчамъ дать болѣе свободы.
Себя ему хотѣлось, можетъ быть,
За долгое лганье вознаградить.
Онъ зналъ, что пѣть здѣсь можно что угодно
Безъ опасенья всякаго, свободно.

LXXXIV.

Онъ видѣлъ много націй и людей
Различныхъ состояній, убѣжденья,
Различныхъ кастъ, сословій и идей,
И каждого умѣлъ изъ угожденья
Приличнымъ словомъ встрѣтить иногда.
Девизъ его—на многіе года,
Вездѣ имъ соблюдаемый и всюду:
«Съ римляниномъ по римски жить я буду».

LXXXV.

И потому—то въ обществѣ умѣлъ
Выдерживать отлично тактъ похвальный:
Гдѣ можно было, — «Ça іга» (*) онъ пѣлъ,
А гдѣ нельзя — тамъ гимнъ національный.
Чтобъ избѣжать гоненья и бѣды,
Онъ съ Музой пѣлъ на разные лады.
Вѣдь были жь скачки Пиндаромъ воспѣты!..
И онъ могъ пѣть, какъ многіе поэты...

(*) Известная французская пѣсня.

LXXXVI.

Во Франціи — онъ пѣсню бы сказалъ,
 Межъ англичанъ — старинное преданье,
 Въ Испаніи — балладу написалъ,
 Въ Германіи онъ, Гёте въ подражанье,
 Пегаса бѣ непремѣнно осѣдлалъ,
 Въ Италиі — чтобъ возбудить вниманье, —
 Онъ тречентистамъ (*) въ пѣсняхъ подражалъ,
 А въ Греціи пропѣлъ бы пѣснь свободѣ,
 И пѣсня та была въ такомъ бы родѣ:

1.

Берега Эллады встали!
 Голосъ Сафо тамъ звучалъ,
 Тамъ искусства процвѣтали,
 Златокудрый Фебъ блисталъ,
 А теперь лишь солнце дѣта
 Льетъ на васъ потоки свѣта.

2.

На другомъ концѣ земли
 И подъ чуждымъ небосклономъ
 Вашъ Гомеръ съ Анакреономъ
 Славу вѣчную нашли.
 Вся земля ихъ славить рада,
 Но молчатъ одна Эллада...

3.

Марафонъ стоитъ межъ скалъ,
 Какъ маякъ нашъ путеводный.

(*) Такъ назывались поэты одной старой итальянской школы.

Тамъ о Греціи свободной
 Не однажды я мечталъ.
 Межъ персидскими гробами
 Вѣчно ль быть всѣмъ намъ рабами?

4.

Царь одинъ смотрѣлъ съ скалы:
 Корабли кругомъ мелькали,
 Легионы выступали,
 Словно грозные орлы;
 Но день ясный ночь смѣнила —
 Гдѣ жъ могучей рати сила?

5.

Гдѣ пришлось имъ всѣмъ уснуть?
 Гимнъ героевъ не несется,
 Съ прежней силою не бьется
 Героическая грудь.
 Такъ могу ли въ этомъ мѣрѣ
 Я коснуться къ чудной лирѣ?

6.

Но забуду ли когда,
 Что весь край въ цѣпяхъ страдаетъ?
 Все лицо мое пылаетъ
 Краской общаго стыда...
 Намъ остались въ наказанье
 Стыдъ за грековъ и рыданья.

7.

Льемъ не кровь мы — капли слезъ.
 Что намъ слезы, стыдъ румянца?

Хоть бы три, хоть три спартанца
 Между греками нашлось...
 Только встаньте изъ могилы —
 Воскресимъ мы Термопиды.

8.

Жду отвѣта мертвецовъ.
 Чу! отвѣтъ ихъ раздается:
 «Пусть хоть грекъ одинъ проснется —
 Мы придемъ со всѣхъ концовъ,
 Мы придемъ, чтобъ биться снова!»
 Но живые — ни полслова.

9.

Такъ, постыла вамъ война —
 Мечъ врагамъ предоставляйте
 И полиѣе наливайте
 Въ кубки красного вина...
 Что жъ? откликнулись всѣ живо
 Звукамъ гнуснаго призыва.

10.

Вамъ остался только пиръ,
 Вы пиррійской пляскѣ рады,
 Но скажи, народъ Эллады,
 Гдѣ съ своей фалангой Пирръ?
 Въ рабствѣ нѣтъ для васъ печалей,
 Жизнь темна безъ вакханалій.

11.

Пейте жъ вина. Воля — сонъ,
 Нѣтъ къ прошедшему возврата!...

Пѣлъ вино Анакреонъ,
Онъ былъ рабъ — но Поликрата.
Поликратъ нашъ былъ тиранъ,
Но тиранъ не съ чуждыхъ странъ.

12.

Деспотъ нашъ — былъ другъ свободы,
Этотъ деспотъ — Мильтиадъ.
Міръ такимъ тиранамъ радъ
Въ старину и въ наши годы.
Пусть съ цѣпями къ намъ придетъ
Хоть еще такой деспотъ!...

13.

Пейте жъ сладкое вино!
Можетъ быть, найдутся люди
И не умерло въ ихъ груди
Мщенье, спавшее давно.
Гераклидовъ кровь и нынѣ
Можетъ вспыхнуть въ гражданинѣ.

14.

Ждете вы — васъ галлъ спасетъ?
Нѣтъ, его не поджидайте.
Всѣ надежды возлагайте
Вы на собственный народъ,
Но турецкой власти сила
Грозный щитъ вашъ надломила.

15.

Пейте сладкое вино!
Подъ веселые напѣвы

Пляшутъ греческія дѣвы,
 Но въ глазахъ отъ слезъ темно:
 Вскормятъ груди дѣвъ прекрасныхъ
 Лишь однихъ рабовъ несчастныхъ!...

16.

Нѣтъ, одинъ къ морскимъ волнамъ
 Я пойду съ своей кручиной,
 Кончу пѣсней лебединой
 И умру, какъ лебедь, тамъ...
 Рабскій край я презираю,
 На полъ кубокъ свой бросаю.

LXXXVII.

Такъ пѣлъ иль сталъ бы пѣть нашъ ново-грекъ;
 Хотя не могъ съ Орфеемъ онъ равняться
 Въ своихъ стихахъ, но въ нашъ холодный вѣкъ
 И хуже пѣсни могутъ раздаваться.
 Но въ пѣснѣ той есть чувства легкой слѣдъ,
 А чувствами и дѣйствуетъ поэтъ
 На цѣлый міръ... Лжецы—поэты эти:
 Знакомы всѣ цвѣта для нихъ на свѣтѣ.

LXXXVIII.

Но слово—это двигатель земли.
 Напишется одно лишь только слово
 И — тысячи людей его прочли
 И въ мірѣ все твердить его готово...
 Да, нѣсколько рядовъ ничтожныхъ строкъ
 На свѣтѣ существуютъ долгій срокъ:
 Одинъ клочекъ какойнибудь страницы
 Переживетъ людей и ихъ гробницы.

LXXXIX.

А кто писалъ тѣ строки — стерся въ прахъ,
 Какъ цѣлый край, гдѣ прежде онъ родился...
 Когда жь случайно встрѣтимъ на поляхъ
 Пергамена, который сохранился —
 Мы имя то, иль на плитѣ найдемъ
 Одно воспоминаніе о немъ —
 То это имя станетъ непременно
 Грядущему потомству драгоценно.

XC.

Для многихъ слава только лишь смѣшна,
 Какъ звукъ пустой, иллюзіи движенье,
 Отъ случая родится въ міръ она.
 Гомеру Троя столько жь, безъ сомнѣнья,
 Обязана, на сколько Гойлю — вистъ.
 А Марльборо? Міръ сердцемъ былъ бы чистъ,
 Его забывъ, когда его дѣянья
 Не изложилъ бы Коксъ въ своемъ сказаньи.

XCI.

Позвѣи король для насъ Мильтонъ.
 Поэтъ немного скучный, но прекрасный,
 Умѣреннымъ во всемъ являлся онъ;
 Когда жь Джонсонъ взялся за трудъ опасный —
 Составить біографію о немъ,
 То о Мильтонѣ вдругъ мы узнаемъ,
 Что отъ него жена его страдала
 И, наконецъ, изъ дома убѣжала.

XCII.

Конечно, всѣмъ намъ любопытно знать,
 Что былъ Шекспиръ когда-то браконьеромъ,

Что Бэконъ взятки могъ отлично брать, —
 Но что жь поймемъ мы по такимъ примѣрамъ?
 Хоть истина историку нужна,
 Но въ случаяхъ такихъ едва ли она
 Историю героевъ осѣщаетъ
 И что нибудь къ ихъ славы прибавляетъ.

XCIII.

Но вѣдь такихъ, какъ Саути иль ты,
 Вордсвортъ, — ужь нѣтъ теперь... Вордсвортъ когда-то,
 Тая въ себѣ чиновныя мечты,
 Писалъ поэмы слогомъ демократа.
 А тотъ, Кольриджъ, еще до тѣхъ временъ,
 Когда аристократомъ не былъ онъ
 И не мечталъ въ журналѣ о подпискѣ,
 Украдкою женился на модисткѣ!...

XCIV.

Теперь позорны эти имена,
 Какъ образцы измѣны и обмана,
 И презираетъ цѣлая страна
 Историю льстеца и шарлатана.
 Вордсворта видѣлъ я послѣдній томъ
 Ужасной толщины, и каюсь въ томъ:
 Скучнѣй поэмы въ мірѣ я не видѣлъ
 И отъ души ее возненавидѣлъ.

XCV.

Вордсвортъ и Анна Сауткотъ (*)
 Твореньями ужасными своими

(*) Женщина-фанатикъ и интриганка, выдававшая себя за мать Мессин: она
 имѣла около двухъ сотъ послѣдователей и находила людей, которыхъ дурачила
 до самой своей смерти — въ 1814 году.

Не поражаютъ болѣе народъ,
И только услаждаться можетъ ими
Лишь избранныхъ поклонниковъ кружокъ.
Всѣ думали — отъ нихъ родится богъ,
А тутъ бѣда была совсѣмъ иная:
Двухъ старыхъ дѣвъ раздула водяная.

ХСVI.

Но... здѣсь я откровенно сознаюсь,
Что я рассказъ нерѣдко прерываю,
Съ читателемъ надолго расстаюсь
И самъ съ собой невольно рассуждаю.
Изъ всѣхъ своихъ пороковъ самъ я могъ
Въ себѣ признать такой большой порокъ.
Я сознаюсь, что эти отступленья
По истинѣ—большое преступленье.

ХСVII.

«Longueurs», какъ у Французовъ говорятъ,
(У насъ, положимъ нѣтъ такого слова,
За то у насъ поэмъ есть цѣлый рядъ,
Гдѣ слову объясненіе готово)
Читателю наскучать наконецъ,
Но и другой эпическій пѣвецъ
Приливомъ и отливомъ страшной скуки
Заставитъ опустить невольно руки.

ХСVIII.

Мы знаемъ, что «Гомеръ, порою, спалъ» (*),
Вордсвортъ же сонъ не рѣдко забываетъ

(*) Слова Горация.

(Онъ насъ всегда любезностью смущалъ)
 И вокругъ озеръ съ «Извощикомъ» (*) блуждаетъ,
 Вотъ въ «лодку» онъ садится, чтобы плыть...
 По воздуху... Потомъ спѣшитъ спросить
 Себѣ «челнокъ», и плаваетъ въ просторѣ
 Своей слякы, вдругъ обращенной въ море.

XСІХ.

Но если такъ желаетъ онъ парить
 И для себя Пегаса не поймаетъ,—
 Его спасетъ «Извощикъ», можетъ быть,
 Иль пусть дракона въ путь онъ осѣдлетъ.
 Но такъ какъ шлю можетъ онъ сломать,
 А на луну желанье есть слетать,
 То отчего не сядетъ въ шаръ воздушный,
 Желанію вельпому послушный?

С.

О, Попе тѣнь! О, Драйденъ!... Въ наши дни
 Являются подобныя творенья,
 И носятся надъ бездною они
 И ускользаютъ всюду отъ презрѣнья!
 Ихъ авторы васъ смѣютъ оскорблять,
 И надъ могилой вашею свистать,
 Лишь завистью безчестною объаты,
 Рѣшаются лжецы и ренегаты!...

СІ.

И такъ—впередъ. Пиръ кончился. Ушли
 Рабы и карлы; танцы прекратились,

(*) Вордсвортъ издалъ въ 1819 г. поэму подъ названіемъ «Benjamin the Waggoner», Веньяминъ-извощикъ. Что касается до лодки и челнока, то это на мѣки на одно мѣсто изъ другой его поэмы «Peter Bell».

Затихли пѣсни звонкія вдали
 И музыканты тихо удалились.
 Любовники одни теперь сидятъ,
 Любуясь на розовый закатъ...
 Ave Maria! всюду во вселенной
 Тебя достоинъ этотъ часъ священный.

СII.

Ave Maria! Чтимъ мы этотъ часъ!
 Благословенъ тотъ климатъ, гдѣ когда-то
 Приходъ его я чувствовалъ не разъ
 Въ прелестный шигъ вечерняго заката.
 Вдали на башнѣ колоколъ звучалъ
 И гулъ его на небо улеталъ;
 Тумана волны въ воздухѣ стояли
 И только листья тихо трепетали.

СIII.

Ave Maria! это часъ любви!..
 Ave Maria! это часъ моленья!
 Ave Maria! насъ благослови:
 Мы просимъ твоего благословенья.
 Ave Maria! Дивныя черты!
 Они полны нездѣшней красоты!..
 О, въ той святой, божественной картинѣ
 Мы видимъ отраженіе святыни.

СIV.

Въ памфлетахъ безыменныхъ стороною
 Корятъ меня въ безбожьи казуисты,
 Но пусть они помолятся со мной:
 Посмотримъ, чьи молитвы будутъ чисты...
 Алтарь мой—небо, солнце, лоно водъ,
 Земля, эфиръ и все, что создалъ Тотъ,

Кто далъ мнѣ на землѣ существованье,
Мысль и любовь и самое страданье.

CV.

Вечерняго заката дивный часъ!
На берегу, въ густыхъ лѣсахъ Равенны
Встрѣчалъ его съ восторгомъ я не разъ...
Таинственны, темны, уединенны
Тѣ милые, зеленые лѣса:
Боккаччио воспѣлъ ихъ чудеса...
Я въ сумерки любилъ въ нихъ углубляться
И тишиной вечерней наслаждаться...

CVI.

Въ лѣсу кругомъ молчаніе царитъ,
Лишь пѣніе кузнечиковъ несетъ,
Мой конь въ травѣ подковами звучитъ,
Да благовѣсть сквозь вѣтви раздается...
Вотъ съ адской сворой мчатся предо мной
«Охотникъ-привидѣнье»... сторовой
Красавицы мелькаютъ... (*) тѣни эти
Какъ будто проносились въ полу-свѣтѣ.

CVII.

О, Гесперь! ты покой приносишь намъ,
Усталому ты теплый кровъ находишь
И пищу всѣмъ голоднымъ бѣднякамъ
И къ юной птичкѣ мать ея приводишь.
Ты намъ даешь и миръ и тишину
И мы склоняемъ голову ко сну...

(*) Намекъ на одинъ эпизодъ изъ поэмы Драйдена: «Theodor and Honoria».

Успокоеніе подъ кровлю посылаешь
И къ матери ребенка возвращаешь.

СѸІІІ.

Блаженный часъ!.. Въ иныхъ онъ грусть будилъ,
Когда они въ чужомъ краю скитались;
Иной его привѣтствовать любилъ,
Аишь звуки съ колокольной раздавались,
И словно плакать тихо начиналъ,
Что ясный день на небѣ умиралъ...
Увы! все то, что въ мірѣ умираетъ,
Хоть въ комъ нибудь да слезы вызываетъ.

СІХ.

Когда казненъ судьбою былъ Неронъ,
Какъ жертва справедливаго отмщенья,
И Римъ рукоплескалъ со всѣхъ сторонъ,
Привѣтствуя свое освобожденье —
То неизвѣстный другъ принесъ цвѣты,
Чтобъ увѣнчать могильныя плиты:
То, можетъ быть, несчастныхъ приношенье
Тирану за минуту снисхожденья.

СХ.

Но я опять разсказъ свой позабылъ —
И мнѣ не кстатн вдругъ пришла охота
(Читателей я этимъ удивилъ)
Припоминать Нерона для чего-то.
Мнѣ измѣнило творчество — и я —
(Сказали бы кэмбриджскіе друзья) (*)

(*) Т. е. студенты кэмбриджскаго университета.

Сталъ «ложкой деревянной»: то названье
Лѣнивымъ всѣмъ давалось въ посмѣянье.

СХІ.

Я сознаюсь: нѣтъ толку въ болтовнѣ, —
Чтобъ избѣжать теперь такой напасти,
Фантазія явилася во мнѣ —
Разрѣзать эту пѣсню на двѣ части.
Вѣдь въ томъ меня никто не уличитъ,
А уличать, — какой же въ этомъ стыдъ?
Самъ Аристотель былъ того же мнѣнья
И всѣ ему повѣрятъ, безъ сомнѣнья.

ДМИТРИЙ МИНАЕВЪ.

107

СОВРЕМЕНИКЪ

1865

№ III МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Английской, близь Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 61)